

Нарциссические и эдипальные аспекты кадра

Н.В. Майн

Майн Надежда Владимировна – психоаналитик, психиатр, кандидат психологических наук, член Парижского психоаналитического общества, член Международной ассоциации психоанализа, член Московской психоаналитической ассоциации. Руководитель образовательного центра «Школа практического психоанализа».

Тема кадра в психоанализе и психоаналитической психотерапии никогда не потеряет своей актуальности и конфликтности. Несмотря на то что основные параметры кадра в психоаналитическом методе установились более ста лет назад, вопросы о кадре решаются каждым психоаналитиком ежедневно. Кадр – это то, что самое стабильное в анализе, но одновременно он больше всего подвергается испытаниям. Возможна ли трансформация кадра и в чем она состоит, что на нее влияет, как нарциссический и эдипальный аспекты отражаются в кадре и на кадре – этому посвящена данная статья.

Ключевые слова: психоанализ, психоаналитик, кадр, эдипальный, нарциссический, трансформация, перенос, атака на кадр, становление кадра.

Что такое кадр

Кадру можно дать много определений. Кадр – это и мгновенное запечатление, помещение в рамку, ограничение изображения, чтобы оно не смешивалось с окружением. Это и структура, которая вмещает и организует процесс, задает его параметры. В то же время сам кадр имеет динамическое измерение и является процессом, он развивается, трансформируется.

С кадром мы встречаемся ежедневно. Этикет поведения за столом – это кадр, регламент проведения мероприятия – тоже кадр. Кадр, порядок, правила касаются любого человеческого взаимодействия и деятельности, регулируют, что и как делать, что можно, что нельзя, как правильно и как принято, как реагировать, выражать себя в зависимости от контекста ситуации, отношений.

Без регламента, регулирования, структуры не состоится процесс, который ожидается. Будет что-то другое, возможно даже интересное, но точно

не то, что хотелось. Конечно, и из хаоса постепенно организуется порядок, но совершенно непонятно, каким он будет, а учесть влияние множества внешних и внутренних влияющих сил просто невозможно.

Кроме того, когда кадр не определен и не организован, внимание направлено на этот отсутствующий кадр, что не только забирает много ресурсов, но и всегда сопровождается тревогой, проекциями, фантазиями и конфликтами. Он требует постоянного участия в его становлении, осмысления, настройки, подстройки.

Психоаналитический кадр

Психоаналитический кадр включает аспекты пространства, времени, длительности, ритмичности, постоянства, обязательства и ответственность. Эти параметры кадра озвучиваются и являются основополагающими константами для психоаналитической работы. Другие параметры не озвучиваются сразу, а только когда возникает прецедент, например подарки и цветы, нецензурная речь или то, что пациент пришел на сеанс со стаканом кофе. Были времена, когда курение и пациентов, и аналитиков во время сеанса было обычным делом...

Есть еще такие параметры, которые не озвучиваются аналитиком, но пациент может в какой-то момент об этом заговорить. Это внутренние параметры, например асимметрия отношений, формы выражения недовольства пациентом, как сеанс начинается и как заканчивается, но также и то, как аналитик обращается со своими ошибками.

Кадр делает возможным происходящий внутри него процесс, создает условия для его существования, а особенности кадра определяют содержание процесса. Так, оплата всех пропусков или возможность отмены сеанса за 24 часа без оплаты, общение только на сеансе или возможность писать аналитику между сеансами создадут совершенно разные процессы. Не каждый кадр может позволить психоаналитическому процессу случиться.

Кадр становится вместилищем и местом, где разворачиваются отношения между пациентом и аналитиком. Аналитик и пациент оба несут свой внутренний кадр как личности, но аналитик вносит профессиональный, аналитический кадр. Кадр в психоаналитическом процессе полностью зависит от аналитика, от его внутреннего профессионального кадра. Но он будет находиться под постоянным давлением, будет подвергаться испытаниям со стороны пациента, его переноса, а также со стороны контрпереноса аналитика.

Символические значения психоаналитического кадра

Кадр имеет множество символических смыслов. Символ всегда больше, чем то, чем он предстает, а символические смыслы всегда наслаиваются, сверхдетерминируются. Как и симптом, символ – это меха, в которые может наливаться новое вино. Каждый аспект кадра можно представить как символ. Постоянство места и времени, положение пациента,

принимающая нейтральность аналитика, его контейнирующая активность – это материнские составляющие кадра. Интерпретации, правила и ограничения – отцовские.

Кадр является носителем Идеала-Я в качестве кадра идеального, к которому аналитик стремится, и носителем Сверх-Я – кадра, поддерживающего и разрешающего, но и наказующего и преследующего.

В какой-то степени кадр становится ритуалом. Здесь уместно обратиться к пониманию взаимодействия мифа и ритуала. Помещая себя в кадр, аналитик и пациент оказываются внутри мифа, а точнее, мифов, их проигрывания, трансформации, создания.

Ритуал воспроизводится, чтобы что-то произошло согласно лежащему в его основе мифу. Он создает, защищает, что-то гарантирует, обеспечивает. Миф и ритуал поддерживают друг друга, но в какой-то момент миф теряет свою живость, забывается, а ритуал вырождается, теряя связь с живительными корнями. В психоанализе такими корнями является метапсихология. Фрейд писал, что влечения – это наша мифология.

Всегда есть опасность, что психоаналитический кадр может выродиться в выхолощенный ритуал без внутреннего содержания, который потеряет свою функцию и свою силу.

Нарцисс и Эдип в кадре

Среди множества мифов для понимания как структур личности, так и содержания и структуры кадра особенно интересны два – о Нарциссе и об Эдипе. Это две картины мира, два типа восприятия и переживания себя и другого, две системы отношений. В каждом мифе есть начало в виде предсказания дальнейшего разворачивания событий. Важно, что предсказания не абсолютны и не неизменны. В анализе вначале тоже есть ожидание, но всегда есть варианты развития событий. Никто не может сказать, как будет развиваться и чем закончится конкретно этот анализ.

Но основное предсказание может звучать так: «Ты встретишься с собой, узнаешь себя и встретишься с другим и познаешь его». По сути, предполагается путь и переход от нарциссического к объектному миру. На этом пути героя ждут открытия, разочарования, сомнения, радости.

Нарциссический объект существует и любим, пока не начинает шевелиться, как-то себя проявлять, пока он точное и неподвижное отражение, гарант идентичности субъекта. Нарциссические отношения и нарциссический кадр – неизбежный и необходимый этап анализа, с разной выраженностью и разной длительностью этого этапа.

Устойчивость, незыблемость, отражение аналитиком пациента поддерживают, восстанавливают, питают его нарциссизм. В то же время есть нарциссизм и внутренний нарцисс аналитика, который тоже нуждается в любви, оценке. Нарциссический кадр имеет тенденцию повторить судьбу Нарцисса: остановиться, быть прикованным к взаимному отражению и любованию с тотальной зависимостью, отсутствием движения и развития – и в итоге приводит к смерти аналитического процесса.

Судьба Эдипа в трагедии и в анализе другая. Его задача – открыть внутреннее зрение, поскольку внешнее затуманено инцестуозным желанием и стремлением убить отца с его законами, предписаниями и ограничениями. Символическое и конкретное, фантазматическое и реальное осуществление эдипального желания в аналитическом кадре должны проиграться, чтобы найти форму и слова.

Нарциссическая линия кадра – это отношения диадные, зеркала и отражения, любования, то есть идеализации, неизменности, отсутствия другого, тоска по такому же и страх перед иным с отказом или отрицанием различий. Но это и необходимость отражения, чтобы увидеть себя и полюбить.

Эдипальная линия включает отношения триадные, треугольные, это отношения с иным-другим, любовь, ненависть, соперничество, ревность. Это помещение в асимметричность ролей, в пространство закона, которому подчиняются и пациент, и аналитик.

Трансформация происходит от измерения двоих к триаде, где неизбежны ревность и соперничество. Если до этого соперничество и зависть направлялись только на аналитика, то теперь есть еще кто-то, кто вторгается в отношения – отец и сиблинги.

Структуры личности в кадре

Пациенты с разной психической организацией по-разному воспринимают, понимают кадр, его проживают. Каждый пациент несет свой кадр, который вступит в отношения с аналитическим кадром, и отношения эти неизбежно конфликтные.

Человек видит то, что знает, то, что пережил, воспринял, что есть в его психическом мире. Другое просто не существует. Все, с чем он встречается, он стремится встроить в свою схему, в свой существующий кадр и таким образом определить, кто с кем что делает, как все устроено, откуда что происходит, как меняется.

Психотик внешне принимает кадр, но на самом деле для него это просто слова, они ничем не наполнены. Его кадр – безграничное пространство, погружение в аналитика, постоянное питание. Аналитик – его нарциссический дубль. Когда такой пациент столкнется с кадром аналитика, с его ограничениями и предписаниями, он искренне удивится и даже не вспомнит, о чем шла речь, что есть какие-то правила. Если аналитик не идентичен, если у него есть что-то свое, то он представляет угрозу, он взбаламучивает воду в ручье, уходит, бросает, исчезает в мутной воде. Нарушает Я-Идеал, который лежит в основании первичного нарциссизма, – переживание своей безграничности и единственности.

Аналитик воспринимается как объект фетишистский, неизменный, безличностный, как описала его Э. Кестемберг (*Кестемберг, 2005*) в случае с пациентом, который использовал аналитика только как ухо, в которое он снова и снова помещал свою «историю с портным». Постоянством и неизменностью аналитик гарантировал идентичность и существование

пациента, а также неизменность его мифа о происхождении – центрального мифа любого психотического пациента, как писал П.-К. Ракамье (Ракамье, 2005).

Для пограничной личности кадр связывается с Идеалом-Я. Кадр аналитика – это его произвол, его попытка управлять, подчинять, контролировать. Неизбежен спор, чей кадр будет главным, кто диктует правила, а вместе с этим и вопрос, кто идеал, а кто ничтожество. Третьего нет, как и нет закона, есть только аналитик и пациент и закон каждого из них. Если же аналитик настаивает на существовании независимого закона, а также на своем существовании, можно попытаться его обмануть, одурачить, заставить пасть. Все это не отменяет крайней зависимости от аналитика и страха его потерять, что может заставить бросить аналитика, чтобы его опередить.

Невротик принимает кадр и как что-то внешнее по отношению к обоим, что не вызывает серьезного противодействия, он уважается как правила метода. Кадр станет ареной символического разыгрывания эдипального конфликта с попыткой установить особые отношения, добиться исключений. Победа будет сопровождаться чувством вины и страхом наказания.

Трансформация в кадре

Трансформация от слияния через диадные отношения к триадным, триангулярным заложена в человеке, с рождения есть движение в направлении к объекту. Объект представлен в психике младенца как пре-концепция (Бион, 2008), само влечение организовано как взаимодействие потребности и удовлетворения, которое получается благодаря объекту, вместе с ним.

Психическая трансформация происходит через трансформацию объекта и отношений с ним, а вместе с этим через трансформацию конфликта и тревоги. Первым объектом становится объект нарциссический. Он находится между Я и другим, на пути дифференциации Я и объекта. Он еще не совсем объект, но это уже и не безграничное Я-Идеал.

Какой бы ни была структура пациента, разные виды объекта представлены в его психике, как и соответствующие объектные отношения, а значит, и особенности кадра будут в любом анализе. Аналитику следует постепенно, небольшими дозами вводить себя в отражение пациента. Как мать, которая дает ребенку не зеркальное отражение, но всегда с каким-то своим дополнением. В отражение эмоций, состояний младенца она вносит часть себя. Этот зазор отражения можно рассматривать как зачаток третьего. Благодаря такому взаимодействию часть матери остается внутри младенца, а часть младенца – в матери.

Поэтому с психотиком не нужны глубокие интерпретации, особенно такие, которые слишком много вносят иного, не его. Они в лучшем случае будут восприниматься как колыбельная, в худшем – как угроза существованию. Другой и любая связь с другим являются угрозой, поэтому подлежат разрушению. Задача аналитика в том, чтобы эту связь установить

и укрепить благодаря нарциссическому и нарциссизирующему аспектам кадра.

Б. Гольц обратил внимание на то, как Пикассо писал лица – он соединял анфас и профиль. Если мы посмотрим на это изображение как на символ материнского лица, то увидим, что оно одновременно обращено к ребенку – анфас, и в то же время смотрит в сторону, на третьего. Ребенок конструирует триангулярность постепенно, через серии небольших триангуляций и маленькими порциями. Нарциссический объект как некоторая часть себя, хотя и не совсем Я, – это удобное место таких частичных пробных триангуляций.

Ребенок слышит речь матери, которая обращается иногда к нему, иногда к кому-то, к третьему, кто не есть ни она, ни ребенок. Так он постепенно конструирует место для третьего – раннюю парциальную триангуляцию. И потом они соединяются в тотальную тройственную организацию, целостный объект.

Испытание кадра

Путь к объекту всегда сопровождается ненавистью. Объект рождается в ненависти одновременно с рождением Я. Трансформация от нарциссического кадра к кадру эдипальному неизбежно будет сопровождаться ненавистью, которая направится на кадр. Атаке подвергаются связь, правила, субъектность, различия, существование третьего, закон, смысл, любовь. Атака является проявлением ненависти, мести, зависти, агрессии.

Есть три вида агрессии:

- базовая жестокость, согласно Бержере (*Бержере, 2001*), когда еще нет ненависти, это скорее беспощадная любовь;
- агрессивность как соперничество в рамках эдипального конфликта;
- между ними еще одна агрессивность, которая не стремится разрушить объект, ее цель – проверить устойчивость объекта.

Эту агрессию описал Д. Винникотт как условие возможности использовать объект, лучше сказать возможности им пользоваться, его интроецировать и на него опираться. Когда подросток заявляет своим родителям, что он не просил его рожать, или приемный ребенок своим усыновителям, что они его не рожали, поэтому не могут его любить, то цель таких заявлений не разрушение, а стремление, чтобы услышали, а также проверка, действительно ли объект любит, проверить его на слабость, устойчивость, прочность, его выживаемость.

Такая агрессия возникает на нарциссическом этапе отношений, когда объект является дублем, а дубль – это не совсем объект.

Дети, о которых хорошо заботятся, легче проявляют агрессию, нежели те, кто испытал дефицит этой заботы. Но какой заботы? Речь не идет о полном погружении, об абсолютном материнском мазохизме. Если мать не злится на ребенка или не может проявить злость, ему тоже нельзя злиться. Тогда ребенок интроецирует мать и сам себе становится матерью, сам о себе заботится. Так формируется ложное Я (Д. Винникотт), а выход как на депрессивную позицию, так и в эдип закрывается. Помочь

сможет работа с контрпереносом, особенно с его негативными проявлениями.

Речь не идет о том, чтобы сообщать пациенту, что мы его ненавидим, как это предлагал Д. Винникотт, но об осознании этой ненависти, раздражения, принятия их и использования для понимания пациента. Раскрытие же своих чувств аналитиком пациенту является насилием, посягательством на его нарциссизм, нарциссическим и инцестуозным соблазнением. Это можно рассматривать как попытку сделать ребенка ответственным за свои действия, смешать язык нежности и язык страсти (Ференци, 2009).

Аналитик в кадре

Кадр самого аналитика помимо и даже вместо эдипального может быть нарциссическим, в регистре Я-Идеала и Идеала-Я, фетишизма. Сам кадр может стать нарциссическим объектом – жестким, ригидным, преследующим. Возможен и садо-мазохистический кадр, в котором аналитик и пациент поочередно играют разные роли. Пациент провоцирует и оживляет в аналитике его разные конфликты и желания, которые отразятся на кадре и в кадре как проявление проективной идентификации и контрпереноса психоаналитика.

Всемогущество и отрицание кастрации проявятся в том, что аналитик все принимает, все понимает, за все берет ответственность: за пробки, болезни, катаклизмы, не требует оплаты пропусков. В этом проглядывает желание быть идеальной и всемогущей матерью и одновременно ненависть к отцу с форклюдией его имени. Результатом станет запрет на выход в пространство символического.

Беспомощность аналитика и невозможность противостоять атакам, жалость и сочувствие пациенту перед лицом жестокого кадра – это проекция своего отношения, а также страх ненависти и конфликта, в том числе своих, неспособность аналитика защищать кадр, то есть его неприсвоенная агрессия. Тем самым он не замечает иного уровня пациента, кроме инфантильного.

Страх негативного переноса возникает из-за непонимания его переносной природы и структурирующей роли в развитии отношений, но акцент только на негативном переносе лишает процесс своей питающей почвы в виде позитивного переноса и может привести к расцвету пerversии. Согласие на кадр пациента часто отражает желание удержать его любой ценой, потребность в ощущении своей нужности, собственная нуждаемость и зависимость. Пациент тоже может быть для аналитика нарциссическим объектом, который обеспечивает питание нарциссизма, тогда его используют для получения удовольствия от подчинения и контроля, пуская в ход запугивание, используя свою власть. Особенно это касается учебного анализа, где пациент-кандидат особенно уязвим и зависим.

Создание аналитического кадра

Аналитик может транслировать только то, что в нем есть, то есть свой внутренний кадр, одновременно незыблемый, но который постоянно реинтерпретируется на основе собственного опыта, идентификаций и интроекций, интериоризаций. Аналитик идентифицируется с тем, что и как делает его аналитик, а также супервизоры, преподаватели, авторы книг и другие значимые психоаналитики, которые тоже транслируют каждый свои тонкости кадра. Психоаналитические Сверх-Я и Идеал-Я порой говорят разные вещи, могут спорить и идентификации, а иногда находиться в жесткой оппозиции.

Идеал-Я требует соответствия идеальным стандартам, соблюдения буквы закона, а Сверх-Я призывает следовать духу закона. Только Сверх-Я может сказать, что каждому – свой кадр. Нельзя позволить кадру выродиться и превратиться в пустой ритуал или идол. Поклонение золотому тельцу дает иллюзию контроля над ситуацией и защиты. Когда мы из золота психоанализа выплавляем идола и ему начинаем поклоняться, делаем из него фетиш, то в жертву мы приносим своих пациентом и себя, как психику, так и тело.

Если будущий психоаналитик, психоаналитический терапевт узнает и понимает, что кадр, в котором он работает, неверный или недостаточно аналитический и его нужно менять, у него возникает чувство вины, тревога и страх, но также и внутреннее сопротивление. Если нет понимания смысла кадра, то он неизбежно будет ложным. Как ложное Я, что всегда сопровождается подавлением протеста и гнева, ненависти и конфликта, которые будут отыгрываться.

В психоаналитических обществах взрывы происходят именно из-за того, что есть внешнее давление, принуждение, а внутреннего понимания нет, нет смысла. Конфликт не осознается, а значит, и не может быть проработан, он может только проигрываться. И это не столько переносный гнев, сколько реальный, не проекция пациента или кандидата, а проекция аналитика. Групповые процессы всегда приводят к регрессии, то есть к нарциссическому уровню и уровню Идеала-Я, если даже не Я-Идеала, которые подменяют эдипальное Сверх-Я. Третьего нет, он исключен, имя отца под запретом, он превращен в идола, с которым говорить невозможно.

Кадр и дистанция

Одной из важнейших составляющих кадра является дистанция, как физическая, так и психологическая. О необходимости найти с каждым пациентом переносимую и комфортную для него дистанцию очень хорошо писал М. Буве (*Bouvet, 2009*). Новая реальность в жизни всего человечества меняет все кадры, в том числе психоаналитический. Вопросов пока больше, чем ответов. Возможен ли вообще дистанционный психоанализ, ведь необходимый для него кадр уже не создать? Идет ли речь для психоанализа и психоаналитического сообщества о невозможности соответствовать

психоаналитическому идеалу и принятии кастрации или о дискредитации метода и неприемлемых компромиссах?

В дистанционной работе кадр получает особые характеристики и смыслы. Отсутствует реальный поддерживающий кадр-пространство, который создает, обеспечивает и охраняет аналитик. Теперь пациент должен сам организовать для себя безопасное и стабильное пространство, на что не каждый способен. Трудно требовать от младенца, чтобы он сам о себе заботился, давая ему рекомендации и инструкции. Для кого-то местом для аналитической работы становится машина, для кого-то угол в гардеробной, а для кого-то и ванная комната – те единственные места, где человек может быть один и в безопасности. Сама организация работы и кадра становится материалом для длительной рефлексии и проработки. Эти новые измерения кадра нам еще предстоит осмыслять, учиться в них жить и продолжать аналитическую работу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бержере Ж. Психоаналитическая патопсихология. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2001.
2. Бион У.Р. Научение через опыт переживания. М.: Когито-Центр, 2008.
3. Кестемберг Э. Фетишистское отношение к объекту // Французская психоаналитическая школа. СПб.: Питер, 2005. С. 527–544.
4. Ракамье П. Страдать и выживать в парадоксах // Французская психоаналитическая школа. СПб.: Питер, 2005. С. 544–556.
5. Ференци Ш. Язык нежности и страсти. // Классические психоаналитические труды. М.: Когито-Центр, 2009. С. 199–209.
6. Bouvet M. (2009) Technical variation and concept of distance // Reading French psychoanalysis. London and New York: Routledge.

The narcissistic and oedipal aspects of the setting

N.V. Main

Main Nadezhda Vladimirovna, psychoanalyst, psychiatrist, Ph.D. of Psychological Sciences, member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), member of the International Psychoanalytical Association (IPA), member of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA). Head of the Educational Center "School of Practical Psychoanalysis".

The subject of the setting in psychoanalysis and psychoanalytic psychotherapy will never lose its relevance and conflictual nature. Despite of the fact that the main parameters of the setting in the psychoanalytic method were established more than a hundred years ago, questions about the setting are to be resolved by each psychoanalyst daily. The setting is what is most stable in the psychoanalysis, but at the same time it is most tempted. The setting can be changed and transformed, that includes the transformation of its narcissistic and oedipal aspects, that are reflected in the setting and on the setting – this article is devoted to this.

Keywords: psychoanalysis, psychoanalyst, setting, oedipal, narcissistic, transformation, transfer, attack on the setting, the formation of the setting.